

Meros

№ 2/2022

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ АБУ РАЙҲОН БЕРУНИЙ НОМИДАГИ ШАРҚШУНОСЛИК ИНСТИТУТИ

Гувоҳнома № 0680-16.02.2018.
ISSN № 2181-9017

М У Н Д А Р И Ж А

МАНБАШУНОСЛИК

Каримова С. Абу Райҳон Беруний “Китоб ас-сайдана фи-т-тибб” асари форсча таржимасининг қўлёзмалари ҳақида..... 3
Абдуҳалимов Б. Образцы залоговых документов из энциклопедии Абу Хафса ан-Насафи 11
Тошов Н. Жувайнийнинг “Тарихи жаҳонгушо” ва Рашидиддиннинг “Жоме ат-таворих” асарлари қиёсий тадқиқи 16
Бўриев О. Ҳофиз Шерозий дастхатидаги энг қадимги қўлёзма..... 26
Якубов Қ. Хива хонлиги фатво ҳужжатлари: репрезентация, қозилик амалиёти ва манбашунослик таҳлили ……..... 30

ТАРИХШУНОСИК

Алимова Д. Некоторые вопросы историографии социально-экономических отношений древнего и античного периодов Узбекистана..... 45
Абдурасулов Х. Мясная торговля в Туркестанском генерал-губернаторстве во второй половине XIX – в начале XX века 59

АРХЕОЛОГИЯ

Шомукарамова Ф. Тасодифий топилмалар – Туркистон археологиясининг дебочаси..... 69

АДАБИЁТШУНОСЛИК

Ходжаева Р. Аллома Имом Замахшарий мақомаларининг маънавий-эстетик хусусияти ва тарбиявий аҳамияти..... 82
Эшонова С., Зокирова Д. Фироқий Хўқандийнинг туркий девони хусусида 88

ХОРИЖИЙ ШАРҚ МАСАЛАЛАРИ

Алимова Л. Конфуцианские традиции в Южно-Корейском обществе..... 100
Каримова Н. «Сиюй шуйдао цзи» Сюй Суна, как особый вид сочинений по исторической географии Центральной Азии второй половины XVIII века 108
Акрамова Ш. Стратегия Дэн Сяопина по модернизации Китая 117

ЎзР ФА
Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти
Илмий кенгашининг 2022 йил 26 октябрдаги 6-сонли мажлиси қарорига кўра нашрга тавсия қилинди.

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ
Баҳром Абдуҳалимов *(Бош муҳаррир)*
Сурайё Каримова *(Бош муҳаррир ўринбосари)*
Салимахон Эшонова *(Масъул котиб)*
Наталья Каримова *(Рус тили муҳаррири)*
Акрам Ҳабибуллаев *(АҚШ, Инглиз тили муҳаррири)*
Аҳмедов Ашраф
Бобожонов Бахтиёр
Баҳодиров Роиқ
Бўриев Омонулло
Дагели Жанин *(Германия)*
Жуманазаров Абдусаттор
Исломов Зоҳиджон
Қориев Одил
Мўминов Аширбек *(Туркия)*
Раҳимжонов Дурбек
Султонов Ўктамбек
Ходжаев Аҳад
Юсупова Дилором
Ғуломов Санжар
Ҳасанов Маҳмуд

Манзилимиз:
100170. Тошкент ш., Мирзо Улуғбек кўчаси, 79
Мурожаат учун:
Телефон: *(8 371) 262-54-61,*
Факс: *(8371) 262-52-77*
E-mail: beruni1@uznet.uz

--.--.2022 йилда босишга рухсат этилди. Қоғоз бичими 70x100 1/16. “Times New Roman” гарнитураси. Шартли босма табоғи 8,25. Адади 100 нусха. Буюртма рақами №: -- . ЎзРФА “Фан” нашриётида нашр этилди.

Д. Алимова

Некоторые вопросы историографии социально-экономических отношений древнего и античного периодов Узбекистана

Социально-экономические отношения включают в себя структуру среднеазиатского общества, семейные отношения, социальный состав населения, сельское хозяйство, аграрные отношения, землевладение, налоговую систему, состояние селений и городов, вопросы собственности, систему расселения городов, торговлю и другие проблемы. Историография исследований обширна, но рассыпана в разнохарактерной литературе и связывается зачастую с вопросами государственного устройства на территории Средней Азии. Однако в многотомных и однотомных изданиях, посвященных истории Узбекистана, изданных в конце 50-х – середине 60-х годов, где большое внимание уделялось экономике древнего и античного периодов, все изменения в ней объяснялись исключительно классовыми противоречиями и классовой борьбой [17: 147–148].

Во временном значении трудно сказать, в каком периоде эти вопросы изучались менее или более интенсивно. Они отражены в публикациях 60-80-х годов и менее в 1990-2000 годах. Основными авторами этих исследований, которые в той или иной степени отразили эти проблемы, были А.И. Чугуевский, В.А. Лившиц, которому наука обязана прочтением многих древних документов, А.Г. Периханян, Е.Е. Неразик, М.И. Воробьева-Десятовская, О.И. Смирнова, Б.Г. Гафуров, Е.В. Земаль, Кл. Рапэн, Г.А. Кошеленко, И.М. Дьяконов, М.Е. Массон, В.М. Массон, Р.Х. Сулейманов, Ю.Ф, Буряков, А. Мусакаева, Б.И. Вайнберг, Э.В. Ртвеладзе, М.И. Филанович, Г.А. Пугаченкова, А.С. Сагдуллаев. Исследователи определили, что основу общества изучаемого периода составляла, как и раньше община, игравшая главную роль в общественном производстве. Так, Ю.Б. Юсифов считал, что форма большесемейной жизни приводила к экономическому укреплению общины, создавая стимулы обогащения

ее членов и на определенное время удерживала процесс обособления хозяйства малых семей [54]. По мнению И.М. Дьяконова в определенный период домовые общины (малые семьи) распадались на отдельные ячейки, которые вновь вырастали в большие семьи [13: 25]. Однако структура семьи находилась в стадии развития и расслоения и качественно менялась. М.И. Филанович считает, что «*уже в предшествующий период родственные связи сменились территориальными и выделявшиеся домовые патриархальные общины входили в состав более крупного объединения – соседской общины*». Система соседских общин, как сельских, так и городских определяла структуру общества на территории Узбекистана [16: 252]. Она отмечает, что в Ахеменидском, Селевкидском, Греко-бактрийском и Парфянском государствах в фискальных целях создавались искусственные общины в среде захваченного и пленённого населения. Таким образом, существовали 2 типа сельских общин, соседские общины вырастали в торгово-ремесленные центры, города, храмовые центры. Первичной структурной единицей была домовая патриархальная община. М. Филанович, опираясь на иранские и индийские источники, а также Видевдат «Авесты» описала аспекты, связанные с семейным отношениями. Ее раздел в «Истории государственности Узбекистана. Т.1.» является первым целенаправленным анализом этого вопроса [16: 252–258].

О социальном составе населения в древний и античный периоды написано немного. Литературные данные носят фрагментарный характер и могут быть почерпнуты из исследований, посвященных разным проблемам [7, 14, 15, 20, 21, 29, 45]. Авторы зачастую проводят аналогии с данными, касающимися других регионов и частей света. Специальный раздел, посвященный этой проблеме в монографии «Истории государственности Узбекистана. Т.1.» принадлежит М.И. Филанович. Привлекая письменные источники, в частности, Авесту и сведения античных авторов, источники, эпиграфический материал и опираясь на историографическое наследие археологов, она делает вывод об относительной стабильности основного, прошедшего через тысячелетия социального членения иранского и среднеазиатского обществ в древний и античный периоды истории.

Изучение источников позволило ей проследить изменения в социальной структуре среднеазиатского общества. Так, если Авеста упоминает 4 сословия: жрецы, воины, крестьяне и ремесленники, то для периода античности появились такие общественные категории,

как жречество, *азаты* (представители знати) и *рамики* (простолюдины). Это было вызвано, по мнению М.И. Филанович, динамичными изменениями в структуре общества в этнических государствах Средней Азии в результате развития урбанизации, роста ремесел и торговли, усложнения служб административно-фискальных ведомств [16: 259].

Характеризуя материальное статусное положение каждой из категорий, М.И. Филанович описывает сословную иерархию и отличает особенность Селевкидского правления тем, что господствующий класс имел смешанный состав, куда наряду с греческими наместниками и знатью входили представители местных аристократических родов и жречество [16: 261]. Автор придает важное значение в изменении социального состава Кушанского и Парфянского царств включению кочевнической знати со своими традициями и огромным богатством, войсками, которое стало влияющей силой.

Такое мнение существовало в историографии вопроса и раньше. Например, Г.А. Кошеленко считал, что в «Парфянском и Кушанском царствах на характер социальной структуры определяющее влияние оказало завоевание оседло-земледельческих территорий кочевниками, что значительно сокращало количество общин, свободных за счет увеличения числа общин зависимых» [14: 347].

М.И. Филанович охарактеризовала все социальные страты, их занятия и функции. Отдельное внимание она уделила вопросу о рабстве, которое не носило классического характера, как в Древней Греции, Переднем Востоке и форме домашнего рабства была и в более позднее время. Говоря о редком упоминании в «Авесте» рабов, она объясняет это «*малым экономическим значением рабского труда в авестийском обществе, когда институт рабства был слабо развит и носил патриархальный характер*» [16: 267–268]. Автор, опираясь на среднеазиатские и восточные источники, обозначает 4 категории рабства.

Опираясь на списки Топрак-калы М.И. Филанович характеризует формы владения рабами и делит их на воинов, ремесленников и землепашцев. Она делает вывод о том, что «рабов по отношению к числу свободных было неизмеримо меньше, чем в странах классического рабовладения и их труд не мог вытеснить труд свободных работников. Основой сельского хозяйства оставался труд свободных общинников – земледельцев и арендаторов, а в ремесле преобладал труд свободных ремесленников» [16: 274]. Это взгляд автор ставил под вопрос принятый в

советской историографии термин о рабовладельческом обществе относительно древнего и античного периода.

Заслуживают внимания и данные исследователей о самом верхнем эшелоне власти в древний и античный периоды, о культе царя. Опираясь на археологические данные, их сопоставление и компаративный анализ письменных источников, исследователи определили, что в древних и античных государствах (Греко-Бактрия, Парфия, Хорезм, Селевкидское государство, Кушанское царство) существовала разветвленная система правления во главе с царем, обладавшим всей полнотой власти. Административная система делилась на сатрапии, существовал институт царя в виде совета знати и высших функционеров, на правах административных единиц выступали издревле существовавшие местные княжества [3, 20, 21, 22, 36, 53, 54]. Для формирования подобных выводов большую роль играли эпиграфические данные, прочтение многих из них историческая наука обязана известному ученому В.А. Лившицу.

М.И. Филанович рассматривает разновидности земельной собственности, права верховного правителя в наделении землей и взимании налогов [16: 288–300].

Примерно такие же вопросы, но в отношении древнего Хорезма рассматриваются в книге «Хорезм в истории государственности Узбекистана», изданной в 2013 г. Нахождение здесь монет, относящихся ко II в. н.э., в частности, крупных серебряных тетрадрахм с надписями царского титула и именем правящего монарха, по мнению авторов раздела монографии С.Б. Болелова, Э.В. Ртвеладзе, бесспорно свидетельствует о повышении авторитета царской власти как внутри государства, так и за его пределами [51: 73]. Авторы, основываясь на том, что «царское хозяйство в древнехорезмийском государстве представляет собой обширную, разветвленную систему с управлением, считают, что царская семья была особой категорией аристократии, а государственный аппарат составлял особое социальное сословие» [51: 73–74].

Исследователи утверждают, что наличие в Хорезме в последней трети 1 тыс. до н.э. крупных культовых центров, включавших в себя комплекс культовых сооружений и храмовых хозяйств, дает достаточно убедительные основания считать, что существовали храмовые общины и объединения, и сословия жрецов-атраванов [51: 75]. В ведении храмов часто были обширные земли, большое поголовье скота. Храмовые чиновники иногда наделялись судебной властью, особенно при свершении сделок с недвижимостью, решении брачных и

имущественных дел. Это позволило ученым сделать вывод, что в Хорезме культовые центры сочетали в себе как религиозные, так и управленческие функции [51: 75].

По мнению большинства исследователей, проводивших адекватную линию сходства находок в Иране и Хорезме, основной единицей общества был род, более мелкой – семья, позже род уже начал терять свое значение и на первый план выступила семья [50, 51, 47].

По мнению Е.Е. Неразик в этот период в Хорезме были распространены крупные семейно-родовые ячейки, хотя одновременно могли существовать и малые семьи [28: 211–213].

Исследователи считают, что основу трудоспособного населения составляли свободные земледельцы, объединенные в свободную общину, и что это был самый многочисленный социальный слой Древнехорезмийского государства [51: 76–77], из которого зачастую формировались пешие отряды войска.

С.Б. Болелов и Э.В. Ртвеладзе основываясь на письменных источниках, в частности, на китайских источниках, предполагают, что «значительное место в социальной структуре занимали торговцы-купцы», имелись и мастера-ремесленники, а также судовладельцы, объединенные в корпорации [51: 80–81].

Исследователи называют разные виды ремесел, и виды ремесленных общин. Выделяют они, как социальную страту и земельную знать, а также группы скотоводческого населения, проживавшего на окраинах земледельческого оазиса. Отмечая особенные взаимовыгодные отношения земледельцев и кочевников в Древнехорезмийском царстве, авторы трудов объясняют, что следствием этого было отсутствие на границах оборонительных сооружений – стен и крепостей, которые строились во внутренней части государства.

В археологической литературе система расселения в Древнем Хорезме сопоставляется с оазисами – номами Месопотамии и Древней Бактрии. В усадьбе-замке внутри такого оазиса проживала военная и владетельная аристократия [28: 552].

Что касается такой страты как домашние рабы, то в отличие от М.И. Филанович, С.В. Болелов и Э.В. Ртвеладзе полагают, что количественный состав домашних рабов в патриархальных семьях Хорезма достигал внушительной величины [51: 85]. Таким образом, данные археологии позволяют ученым судить о социальном характере общества древнего и античного периодов Средней Азии.

Основу экономики древних и античных государств на территории Средней Азии составляло земледелие, пастбищное скотоводство, отгонное скотоводство. Этой проблеме посвящено немало работ. С 60-80-х гг. превалирует тема появления и развития регулярного орошения. Первая фундаментальная монография по этой теме была издана еще в 1957 г [9]. Ее автор Я.Г. Гулямов, известный археолог, впервые исследовал на археологическом материале историю орошения в Хорезме, что стимулировало исследователей последовательнее изучать этот вопрос в отношении других регионов Узбекистана. Такая хронологически обширная работа (с древности по советский период) позволила иметь представление о состоянии Амударьи и ее берегов и способов орошения в древности. Автор связывает следующую фазу орошения и ее развития с ранними государственными образованиями и государствами античного периода. Раннесредневековый и средневековый периоды в контексте развития ирригации, связываются с политическими процессами, что было немаловажно. Несмотря на легкий налет идеологических установок времени, монография заявила о себе как о капитальном труде, где история орошения Хорезма связана с социально-экономическими и политическими процессами, протекавшими в регионе. Ее прочная фундаментальная база, сформированная археологическим изучением Хорезма, его памятников материальной культуры с древнейших времен, в сочетании с данными исторических хроник и письменных источников, прекрасным знатоком которых был Я.Г. Гулямов, не оставляет сомнений, что это было одно из научных открытий XX века в области общественно-гуманитарных наук. Сугубо в археологическом плане рассматривает оросительные системы древнего Нахшеба Р.Х. Сулейманов, отмечая, что в древности естественные притоки превращались в каналы [46].

Особого внимания заслуживает в этом плане работы Б.В. Андрианова, А.Р. Мухамеджанова, А.И. Билалова, а также исследования, в которых затрагивается этот вопрос, в частности, Ю.Ф. Бурякова, Н.Г. Горбуновой, Ю.А. Заднепровского, Г.А. Пугаченковой, Э.В. Ртвеладзе, М.И. Филанович [1, 4, 5, 8, 14, 16, 28, 35, 49]. Авторы подчеркивают, что именно создание ирригационных систем, каналов и водохранилищ, осуществленных в зонах традиционного оседлого земледельческого хозяйства (Бактрия, Парфия, Маргиана, Согд) стало мощным импульсом развития производительных сил общества и государственности [46: 12–13].

Продолжением исследования по истории оросительных систем стали работы, касающиеся других регионов Средней Азии – Зарафшана, Бухары, Уструшаны и др. Это работы А.Р. Мухаммеджанова, в которых, наряду с данными о времени средневековья, содержатся краткие очерки возникновения и развития оросительных систем в низовьях Зарафшана и Бухары, начиная с середины I тыс. до н.э. Книга А.И. Билалова основана на изучении ирригационных сооружений такой крупной области как Уструшана, где зачатки земледельческого хозяйства возникли уже в пределах III-II тыс. до н.э. [25: 279].

Исследователи связывают социально-экономические вопросы с системой расслоения, развитием городов и торговли. Во второй половине XX – начале XXI века сложилась обширная историография вопроса, в которой отражены те или иные аспекты, проблемы, авторы которых не преследовали цель ответить на поставленную нами проблему, однако для них была очевидна связуемость социально-экономического развития с расслоением населения и развитием городов и торговли. Достаточно освещены в литературе многие вопросы развития экономики. Например, исследователи определили, что первые ткани из хлопка в Средней Азии относятся к первым векам нашей эры. Возделывание его имело место еще в ахеменидское время. Ряд публикаций был посвящен выращиванию в Фергане, Согде, Бактрии, Маргиане, Парфии винограда и виноделия, о чем подробно свидетельствуют парфянские документы, подробно анализированные учеными [11, 12].

В 70-80-х годах исследователями древней истории уделялось больше внимания проблеме сложения и развития городов Средней Азии в их целостной, многофункциональной системе, выявлению социальной стратификации населения и градостроительной структуры как взаимосвязанных элементов общественного организма. Книга Э.В. Сайко, изданная в 1973 г., стала образцом рассмотрения становления города как производственного центра в теоретическом ракурсе [44]. Работа М.Е. Массона о крупных древних и средневековых городах низовьев р. Кашкадарьи, написанная на данных Кешской археологическо-этнографической экспедиции, возглавляемой им, стала большим вкладом в рассмотрение проблемы в региональном контексте [24]. В ряду поселений городского типа античного времени на юге Узбекистана выделялось городище Дальверзинтепе, где велись многочисленные раскопки под руководством Г.А. Пугаченковой. Результаты работы нашли отражение в ряде работ, где характеризуется город Кушанской эпохи и его искусство [33, 10, 34]. В дальнейшем, вплоть до настоящего

времени, продолжается изучение древних и античных городов в контексте развития эпохи. Это работы В.Н. Пилипко, А. Сагдуллаева, С.Н. Кабанова, Р.Х. Сулейманова, А.Р. Мухамеджанова, Ш.Т. Адылова, Э.В. Ртveладзе и др. [18, 19, 26, 30, 37, 43, 46].

Одна из последних современных работ по данной теме принадлежит перу М.И. Филанович. Она попыталась показать связь развития городов с развитием сельского хозяйства и аграрных отношений [16: 283–288].

На основе изучения всех типов расселений и их внутренней структуры на основе археологических данных, которые были адекватны в разных регионах Центральной Азии, М.И. Филанович делает выводы о социально-экономическом состоянии общества. Появление в античную эпоху укрепленных замков с поселением у подножья, она считает свидетельством существованием крупной земельной аристократии, от которой экономически зависела большая часть свободных общинников.

Известно, что в эллинистический период резко возросла роль городов. М.И. Филанович пишет, что формирование схемы «города в системе поселений, прежде всего, имело экономическую подоплеку общественного разделения труда и формированием системы внутренних связей» [16: 303]. Л. Бернар посвятил этому вопросу статью, в которой рассматривает проблемы греческой колониальной истории и урбанизации эллинистического города в Центральной Азии [2].

Археология дает нам обширные сведения о развитии ремесленного производства и торговли в первые века нашей эры, как в городе, так и в селе. Это было вызвано общим экономическим подъемом, характерным для этого периода. По мнению исследователей в это время начали складываться центры городского дела и металлургии в Бактрии, Чаче, Фергане [6: 98–100]. Этой проблеме была посвящена специальная книга Ю.Ф. Бурякова «Горное дело и металлургия средневекового Илака», где отмечается, что в первых веках нашей эры резко возросла добыча полезных ископаемых – железной и медной руды, свинца, золота, серебра и полудрагоценных камней, что составляло базу для развития металлургии и металлообработки, оружейного дела, ювелирного ремесла и выпуска монетных эмиссий, часть продукции Бактрии шла на экспорт [6: 98–100].

Исследователи определили, что Бактрия стала первой страной, экономика которой имела денежное обращение [16: 310].

Большим вкладом в изучение денежного обращения в древних и античных государствах стали работы Э.В. Ртвеладзе [37, 38, 39, 40, 41, 42], который на основе нумизматических данных (в противовес мнению Е.В. Зеймаля о том, что на правобережье Окса не было ремесленного монетного обращения) доказал, что в регионе был развит внутриобластной рынок, основывающийся на денежном обращении.

По данным исследователей во второй половине II – начале I в до н.э. был начат собственный чекан Хорезма, а со второй половины 3 в. н.э. – Чача. Развитие денежного обращения стимулировало развитие Великого Шелкового пути, трассы которого проходили через среднеазиатские государства, соединяя торговые пути западных стран греко-бактрийского мира с Передней Азией и дальним Востоком.

Исследователи определили, что основная караванная трасса Великого Шелкового пути проходила из Рима на Ближний и Средний Восток, в пределах Средней Азии она пересекала Парфию, Маргиану, Бактрию. Они опирались на данные Исидора Харакского, географа I в. до н.э., который писал о городах и малых столицах на этом пути [40]. Как пишет М.И. Филанович – из Бактрии одна ветвь вела на Тарместу (Термез) и через Таримское низовье на Хотан и Яркенд, другая уходила на север, в Семиречье. В первых веках до нашей эры оформился путь по Яксарту из Китая в Давань, Кангюй, далее в Саматские степи к переправе через Волгу. Ранее оформился путь вдоль Окса и русла Узбоя [23: 7].

Обстоятельно о трассах Великого Шелкового пути, проходивших через Среднюю Азию в контексте привозимых изделий, писали Г.А. Пугаченкова и Э.В. Ртвеладзе [31, 32, 38]. Проблемы трасс Великого Шелкового пути, их формирования и развития обсуждались на специальном международном семинаре, проведенном в 1990 г. ЮНЕСКО. Эти публикации в определенной степени затрагивали вопросы социально-экономических отношений.

Таким образом, социально-экономические отношения в древний и античный периоды освещены достаточно широко. Однако, эта тема многоаспектна и разбросана по разным изданиям в виде монографий, посвященных данному вопросу. Остаются еще неизученными многие аспекты этой проблемы, в частности, касающиеся сельского хозяйства, формирования первых зачатков промышленного производства и др. Следует отметить, что письменных источников о социально-экономическом положении древних и античных государств, их управлении, очень мало. Исследователи зачастую

прибегают к адекватным, тождественным данным, извлекая их из источников сопредельных стран и регионов. Однако и эти скудные данные дают возможность иметь представление об образе жизни, социально-экономических отношениях населения Средней Азии во II в. до н.э. – IV в. н.э. Конечно, источниковый поиск продолжается и составляет важный аспект исследовательской работы не только центральноазиатских ученых, но и зарубежных, профилирующихся на истории и археологии этого региона.

Использованная литература

1. Адрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. Москва, 1969.
2. Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизация эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. Москва, 1986. С. 249–258.
3. Бикрман Э. Государство Селевкидов. Москва, 1985.
4. Билалов А.И. Из истории ирригации Уструшаны // Материальная культура Уструшаны. Вып. IV. Душанбе, 1980.
5. Буряков Ю.Ф. Генезис и эпоха развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
6. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового плана. Москва, 1974.
7. Воробьева-Десятовская М.И. Индийцы в Восточном Туркестане в древности (Некоторые социальные аспекты) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. Москва, С. 61–96.
8. Горбунова Н.Г. Фергана в Кушанское время // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. Москва, 1975.
9. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
10. Дальверзин-тепе Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
11. Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э. (образцы документов) // ВДИ. 1960. № 2 (72). С. 14–28.
12. Дьяконов И.М. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. Москва–Ленинград, 1951.
13. Дьяконов И.М. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. № 1 (83). С. 16–34.

14. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва, 1985.
15. Зеймаль Е.В. Парфия и Греко-Бактрийское царство // История древнего мира. Расцвет древних обществ. Т. 2. Москва, 1982. С. 465–475.
16. История государственности Узбекистана; (вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III век нашей эры. Ташкент, 2009.
17. История Узбекской ССР. Т.1. Ташкент, 1967.
18. Кабанов С.К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III-VII вв.). Ташкент, 1977.
19. Крашенинникова Н.И. Восточные районы Кашкадарьинской области в античную эпоху // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1979. С. 56-57.
20. Лившиц В.А. Два согдийских документа с горы Муг // ВДИ. 1960. № 2.
21. Лившиц В.А. Юридические документы и письма // Чтение, перевод и комментарии. Москва, 1962.
22. Луконин В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Москва, 1987.
23. Массон М.Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства // Труды ЮТАКЕ. T.V. Ашхабад, 1955. С. 7–70.
24. Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973.
25. Мухаммеджанов А.Р. К истории ирригации в Кушанскую эпоху // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. Москва, 1975. С. 278–281.
26. Мухаммеджанов А.Р., Адылов Ш.Т. Городские памятники низовьев Заравшана в IV–VIII вв. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 77–86.
27. Неразик Е.Е. К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство Древнего Хорезма. Москва, 1981. С. 219–227.
28. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.) // Труды ХАЭЭ. Т.Х. Москва, 1976. С. 211–213.
29. Периханян А.Г. Общественное право Ирана в Парфянский и сасанидский периоды. Москва, 1983.
30. Пилипко В.Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975.
31. Пугаченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990. С. 23–38.

32. Пугаченкова Г.А. Привозные художественные изделия на среднеазиатских трассах Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.
33. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепе. Ленинград, 1978.
34. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древности и средневековья. Москва, 1982.
35. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры: Древность и средневековье. Ташкент, 1990.
36. Рапэн К. Эллинистическая сокровищница Ай-Ханум // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С. 108–119.
37. Ртвеладзе Э.В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент, 2002.
38. Ртвеладзе Э.В. Великий индийский путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии. Санкт-Петербург, 2012.
39. Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002.
40. Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III-середины VII в.н.э.). Ташкен, 2006.
41. Ртвеладзе Э.В. Монеты Кеша (Киша)/ III-II вв. д.н.э. – VII в н.э. // Общественные науки в Узбекистане. 2002, № 6. С. 43–49.
42. Ртвеладзе Э.В. Южно-согдийские монеты династии Абтата с изображением Геракла и Зевса // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган ўрни. Тошкент, 2002. С. 123–126.
43. Сагдуллаев А.С. Особенности оседлого расселения в Южном Согде в эпоху античности // Городская культура Бактрии и Согда. Ташкент, 1987. С. 131–134.
44. Сайко Э.В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы – ремесла. Средняя Азия). Душанбе, 1973.
45. Смирнова О.И. Очерки истории из истории Согда. Москва, 1970.
46. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Самарканд-Ташкент, 2000.
47. Толстов С.П. Древний Хорезм: Опыт ист.-археол. исследования. Москва, 1948.
48. Топрак-кала. Дворец. Труды ХАЭЭ. XIV. Москва, 1984.

49. Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
50. Фрай Р. Наследие Ирана. Москва, 2002.
51. Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2013.
52. Юсифов Ю.Б. Элам. Социально-экономическая история. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Баку, 1965.
53. Bernard P. Fouilles d'Aikhanoum. T.I (MDAFA. T. XXI). Paris, 1973.
54. Bernard P. Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. (MDAFA. T. XXVIII). Paris, 1985.

Д. Алимова

Ўзбекистоннинг қадимги ва антик даврлари ижтимоий-иқтисодий муносабатлари тарихшунослигининг айрим масалалари

ХХ асрнинг иккинчи ярми – XXI аср бошларидаги тарихий адабиётларни кенг жалб этишга асосланган ушбу мақолада Ўзбекистон тарихидаги қадимги ва антик даврларнинг ижтимоий-иқтисодий муносабатларинм тадқиқ этишнинг тарихшуносликҳолати кўрсатиб берилган.

Мақолада муаммоли-хронологик ёндашувдан фойдаланган ҳолда совет ва замонавий Ватан тарихшунослигининг Марказий Осиё жамиятининг тузилиши, аҳолининг ижтимоий таркиби, қишлоқ хўжалиги, шаҳарсозлик, савдо,пул муомаласи, савдо, Буюк Ипак йўли ва бошқа муаммоларкаби Ўзбекистон ҳудудидаги қадимги ва антик даврлардаги ижтимоий-иқтисодий муносабатлар масалалари бўйича асосий ёндашувлари кўрсатилган.

Шунингдек, муаллиф бу борадаги тадқиқотлар тарихшунослиги кенг қамровли бўлиб,Марказий Осиёда давлат тузилиши масалалари билан боғлиқ тадқиқотларда ижтимоий-иқтисодий муносабатларнинг айрим жиҳатлари ўзаро чатишиб кетганлиги умумий тенденцияни қайд етади. Мавжуд адабиётлар таҳлили ўрганилаётган давр жамиятининг асоси аввалгидек, ижтимоий ишлаб чиқаришда катта рол ўйнаган жамоа эди, деган хулосага келиш имконини беради.Бундан ташқари, мақолада белгиланган мавзу бўйича ва белгиланган географик доирада ёзма манбаларнинг камлиги

муаммоси ёритилган бўлиб, бу тадқиқотчиларни муқобил манбаларни топиш муаммосига олиб келади.

Калит сўзлар: *қадимги ва антик давр, Ўзбекистон тарихи, тарихшунослик манбаи, тарихшунослик таҳлил, XX–XXIасрлар тарихий адабиётлари, ижтимоий-иқтисодий муносабатлар.*

Д. Алимова

Некоторые вопросы историографии социально-экономических отношений древнего и античного периодов Узбекистана

В данной статье на основе привлечения широкого круга исторической литературы второй половины XX – начала XXI вв. дана историографическая картина социально-экономических отношений древнего и античного периодов в истории Узбекистана. Используя проблемно-хронологический подход в статье показаны ключевые подходы советской и современной отечественной историографии по таким вопросам социально-экономических отношений в древний и античный периоды на территории Узбекистана, как структура среднеазиатского общества, социальный состав населения, сельское хозяйство, развитие городов, торговля, денежное обращение, торговля, Великий шелковый путь и другие проблемы.

Автором отмечается и общая тенденция о том, что историография исследований по данному вопросу обширна, и определенные аспекты социально-экономических отношений вкраплены в исследования, связанные с вопросами государственного устройства на территории Средней Азии. Анализ изученной литературы позволяет сделать вывод, что основу общества изучаемого периода составляла, как и раньше община, которая играла главную роль в общественном производстве. Кроме того, в статье особо отмечается, проблема малочисленности письменных источников по указанной тематике и в указанных географических рамках, что ставит перед исследователями проблему поиска альтернативных источников.

Ключевые слова: *древний и античный период, история Узбекистана, историографический источник, историографический анализ, историческая литература XX-XXI в., социально-экономические отношения.*

D. Alimova

Some questions of the historiography of the socio-economic relations of the ancient and antiquity periods of Uzbekistan

In this article, basing on a wide range of historical literature of the second half of the 20th – early 21st centuries there have been given a historiographic picture of the socio-economic relations of ancient and antiquity periods in the history of Uzbekistan. Using the problem-chronological approach, the article shed the light on the key approaches of Soviet and modern national historiography on such an issues of socio-economic relations in ancient and antiquity periods on the territory of Uzbekistan as the structure of Central Asian society, the social composition of the population, agriculture, urban development, trade, money turnover, the Great silk road and other problems.

The author also noted the general trend that the historiography on this issue is extensive, and certain aspects of socio-economic relations are embedded in studies related to issues of state structure in Central Asia. An analysis of the researched literature allows us to conclude that the basis of the society of these periods were, as before, the community, which played a major role in social production. In addition, the article specifically notes the problem of the paucity of written sources on the indicated subjects and within the specified geographical frames, which poses the problem of finding alternative sources for researchers.

Key words: *ancient and antiquity period, history of Uzbekistan, historiographical source, historiographical analysis, historical literature of the 20-21-th centuries, socio-economic relations.*

Х. Абдурасулов

Мясная торговля в Туркестанском генерал-губернаторстве во второй половине XIX – в начале XX века[*]

Мясо всегда было и остается почетным компонентом большинства традиционных блюд узбекских кухни: без мясных блюд на столе не обходится ни одно мало-мальски важное мероприятие в

[*] Автор выражает свою глубокую благодарность фонду Gerda Henkel Stiftung за возможность написать данное исследование в рамках предоставленной стипендии в 2014–2016 и 2017–2018 гг.